ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И ПЛАНЫ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ МОЛДАВИИ В ПЕРИОД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768-1774 ГГ

Ion EREMIA

В связи с началом русско-турецкой войны 1768-1774 гг., в первый же год войны, «для соображения всех дел относящихся к ведению этой войны», по приказу императрицы был образован Государственный Совет[1]. Первоначально деятельность Совета виделась в качестве чрезвычайного собрания (первые 10 заседаний таковыми и были), однако с 22 января 1769 года «начались собрания Совета как постоянного государственного учреждения»[2].

Первое заседание Совета состоялось 4 ноября 1768 года под председательством непосредственно Екатерины II (1762-1796). На нем обсуждались отдельные вопросы относительно предстоящей войны с Османской империей, со ссыками на опыт предыдущей войны с турками 1735-1739 гг., в том числе и на кампанию 1739 года, когда граф Миних (1683-1767) «перешел Днестр, имел у Стаучан с турками баталию, взял Хотин и возвратился опять к Киеву»[3]. Обсуждая вопрос о том, каким образом вести войну, граф Н.И. Панин (1718-1783), министр иностранных дел России, объявил, что по приказу султана войска сконцентрируются при Адрианополе и в

[1] Детали об образовании Государственного Совета и о его деятельности в период правления Екатерины II см.: В.И.Туманский. *Опыт истории Государственного Совета*. В: *Русский архив*, 1903, вып. 9-12, с. 156 и след.

[2] *Архив Государственного Совета. Том первый. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768-1796. Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II. Часть первая. Отделение историческое*. В типографии Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПБ., 1869, с. I-II.

[3] *Ibidem*, с. 1-4.

Бабадаге, «а в Молдавии действительно находятся 20 000 человек». Он же заявил о необходимости взятия Кишинева и Хотина[4]. Позднее, на заседании от 22 января 1769 года члены Государственного Совета вспомнили и о Прутском походе Петра I: «читано было происшествие войны 1711 года между Россиею и Портою»[5]. Примечательно, что на заседании Государственного Совета от 25 октября 1772 года, рассуждая о будущем мире с турками, императрица заявляла, что если Россия не получит ничего, то «такой мир будет … такой же постыден, как Прутский и Белградский»[6].

Особенно тревожила возможность объединения турецких и польских сил, поэтому на заседании от 6 ноября 1768 года предлагалось захватить Каменец и Хотин, если турки не успеют объединиться с поляками. На том же заседании обсуждался вопрос, «к какому концу вести войну и в случае наших авантажей, какия выгоды за полезные положить?». Члены Государственного Совета рассуждали при этом следующим образом: «удержать свободное мореплавание по Чёрному морю и для того ещё во время войны стараться о учреждении порта и крепости, а со стороны Польши утвердить такие границы, которые бы навсегда спокойствие не нарушали»[7].

Итак, не было высказано никаких соображений по поводу «освобождения» христианских народов: наоборот, подчеркивались исключительно интересы России в приобретении свободного мореплавания по Черному морю и установлении твердых границ с Польшей. Что имела в виду Россия при этом, стало ясно в 1772 году, когда происходил первый раздел Польши.

На заседании Государственного Совета от 12 ноября 1768 года императрица отмечала что «если кто что придумал для пользы дел, то может оное предложить». Граф, генерал-фельдцейгместер Г.Г.Орлов[8] (1734-1783), глава Канцелярии главной артиллерии и

[4] *Ibidem*,с. 4-5.

[5] *Ibidem*, с. 17.

[6] *Ibidem*, с. 279.

[7] *Ibidem* с. 6-7.

[8] Биография Г.Г. Орлова см.: А.А. Голомбиевский. *Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734-1783)*. В: *Русский архив*, 1904, вып. 5-8, с. 371-427.

фортификации (1765-1783), высказался относительно военной экспедиции в Средиземное море, а также в Морею, Далмацию, Грузию, «так и ко всем народам в турецкой области живущих нашего закона, для разглашения, что Россия принуждена вести с турками войну за закон»[9], то есть за православие.

Таким образом, как было сказано выше, война должна была вестись исключительно в интересах России, однако православным народам следовало заявить, что война ведется за православие, очевидно, с расчётом на их содействие в борьбе против Османской империи. Спустя две недели, на заседании от 27 ноября 1768 года, тот же Г.Г. Орлов высказывался «об освобождении от турецкого ига народов греческого закона»[10].

Итак, в течение нескольких дней, от скромной задачи относительно свободного мореплавания по Чёрному морю и установления устойчивых границ с Польшей, на Государственном Совете была выдвинута также идея освобождения православных народов Балканского полуострова от османского господства.

На повестке дня встал и вопрос о пополнении рядов русской армии, поэтому на заседании Совета от 12 февраля 1769 года граф Н.И. Панин зачитал рескрипт, согласно которому генералу А.М. Голицину (1723—1807), вице-канцлеру Российской империи, поручалось «принимать волохов и украинских польских казаков, употребляя их в казацкую службу с произведением нужного пропитания и денежного жалования против казачего окладу», но если их количество «так велико будет, что они составят особливый корпус, в таком случае на содержание их собирать контрибуцию с неблагонамеренных России жителей в Польше»[11]. Таким образом, тяжесть содержания этих войск ложилась на плечи польских жителей, которых царское правительство считало «неблагонамереннми» по отношению к России.

---

[9] *Архив Государственного Совета. Том первый. Совет в царствование императрицы Екатерины II. 1768-1796. Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II. Часть первая. Отделение историческое*. В типографии Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПБ., 1869, с. 10, 355-357.

[10] *Ibidem*, с. 13.

[11] *Ibidem*, с. 19.

На заседании Государственного Совета от 7 марта 1769 года обсуждались предстоящие конкретные военные действия. Так, предлагалось, что «в случае завладения Хотина, изыскать удобное место укрепиться со всею армиею, таким образом, чтоб быть в состоянии сопротивляться и удержать неприятельские армии» (турецкую и польскую - И.Е.)[12].

Тем временем, русская армия перешла на правый берег Днестра, о чем князь А.М. Голицин докладывал в Санкт-Петербург в реляции от 16 апреля 1769 года[13]. Однако поскольку дела на Днестре шли не лучшим образом, на заседании Государственного Совета от 18 мая Екатерина II поручила, «чтобы князю А.М. Голицину сделать некоторые наставления», среди них главное, чтобы он воспрепятствовал «ему (неприятелю - И.Е.) переходить Днестр, а если усмотрит свой авантаж, дать баталию при Днестре и овладеть Хотином»[14]. Однако военная обстановка была для русской армии довольно сложной. Поэтому после прочтения на заседании от 10 августа 1769 года реляций А.М. Голицина от 25, 27 и 29 июля члены Государственного Совета рассуждали, что если русская армия будет вынуждена перейти на левый берег Днестра, «то в таком случае к оправданию его (Голицина - И.Е.) объявить, что он никогда не имел повеления овладеть Хотином, а только было предметом постановляемо, дабы неприятельские силы притянуть к Хотину, и тем границы наши привести в безопасность, что и удалось»[15]. Однако после ознакомления на заседании от 13 августа с сообщениями А.М. Голицина от 31 июля и 2 августа, императрица приказала отозвать его от командования армией и назначить на его место П.А. Румянцева (1725-1796)[16], хотя впоследствии, на заседании Совета от 21 сентября, была зачитана реляция А.М. Голицина о битве 6-7 сентября и о взятии русскими войсками Хотина[17]. Тем не менее, 18 сентября 1769 г. он передал командование армией П.А. Румянцеву[18].

[12] *Ibidem*, с. 25.
[13] *Ibidem*, с. 21
[14] *Ibidem*, с. 26
[15] *Ibidem*, с. 30-31.
[16] *Ibidem*, с. 31.
[17] *Ibidem*, с. 34-35.
[18] *Ibidem*, с. 36.

В 20-х числах февраля 1769 года передовой корпус князя А.А. Прозоровского (1732-1809) перешел Днестр и одержал ряд побед «над неприятелем». В результате появились первые пленные, и 23 февраля А.М. Голицин сообщал об этом в Государственнй Совет и одновременно просил «дать повеление киевскому генерал-губернатору, как ему с пленными турками и с молдавскими выходцами поступить»[19]. Н.И. Панин представил членам Совета подготовленный рескрипт для киевского генерал-губернатора Ф.М. Воейкова (1703—1778), однако он не опубликован. 20 июля А.М. Голицин вновь сообщал о «вышедших из Молдавии поселянах с их прошениями»[20]. Наконец-то, на заседании Государственного Совета от 17 сентября 1769 года, было принято решение, «чтобы волохов содержать так, как и пленных турок, или их отдавать по желанию в услужение, також де и принявших христианскую веру турок»[21]. К вопросу о пленных волохах, Государственный Совет вернулся позднее, на заседании от 3 июня 1770 года, в связи с получением очередного сообщения уже от П.А. Румянцева. Суть его информации в протоколах Совета не приводится, однако есть ответ на это сообщение: «положено писать к сему генералу, чтоб до времени оставить в молчании жребий взятых во время прошлой кампании волохов и чтоб они между тем оставались у настоящих своих господ и к другим своевольно не переходили»[22].

Очевидно, положение А.А. Прозоровского в Молдавии было довольно сложным, и он не смог добиться тех результатов, которых от него ожидали, поэтому в том же 1769 году он был смещен с поста командующего корпусом и на его место назначен Х.Ф. Штофельн (скончался в мае 1770 г. от чумы), который, как свидетельствуют источники, отличился особой жестокостью в Молдавии. Даже сама Екатерина II, до которой доходили сведения о его «подвигах», осуждала его за «жестокость с неприятелем», и главнокомандующему П.А. Румянцеву приходилось оправдать его перед императрицей, «почему и трудно соблюдать меры

[19] *Ibidem*, с 20.
[20] *Ibidem*, с. 30.
[21] *Ibidem*, с. 34.
[22] *Ibidem*, с. 50.

благости против такого неприятеля, котораго поступки есть одна лютость и безчеловечие». «Генерал-поручик Фон-Штофельн,- продолжал П.А. Румянцев,- конечно не предал [бы] огню неприятельские обиталища, если б был в состоянии обратить оные в свою пользу, или же мог иначе обезсилить против себя неприятеля»[23].

Осенью 1769 г. военные операции русских войск были более успешными. 10 сентября 1769 года из лагеря под Хотином А.М. Голицин разослал манифесты, в которых требовал, чтобы все жители Молдавии преследовали и истребляли врага, а также требовал «прислать к нему депутатов от всех чинов». Одновременно генерал-поручику И.К. Эльмпту (1725-1802) поручалось занять Яссы и привести всех жителей Молдавии к присяги на верность российской императрице[24]. Итак, не просматриваются никакие инициативы со стороны молдавского населения, бояр и духовенства. Их дальнейшие действия, в том числе присягание бояр и духовенства на верность императрице в городе Ботошань 22 сентября, были вызваны манифестами и приказами командующих российскими войсками[25]. Практически не отмечаются никакие добровольные шаги в этом плане с их стороны.

Спустя чуть более двух недель, 26 сентября, Эльмпт уже докладывал о занятии города Яссы и всей Молдавии[26]. В манифесте Эльмпта от того же числа он заверял жителей княжества, что «войска ея императорского величества оставляются здесь в Молдавии единственно для обороны и защищения сего православного народа». Однако реальные дела обстояли совсем иначе. Упомянутый манифест сообщал жителям, что «всё княжество Молдавское под высокую ея императорского величества державу покорено». Объявляя о том, что «все жители сего княжества оставляются по-прежнему при своих правах, вольностях и самоуправлении земли, во всех делах без малейшей

[23] *Ibidem*, с. XXXVIII. Реляция П.А. Румянцева от 18 марта 1770 года.

[24] А.Н.Петров. *Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год*. Том I. Издательство: Тип. Э. Веймара, СПб., 1866, с. 258-260.

[25] *Ibidem*, с. 265-266.

[26] *Ibidem*, с. 258-263, 272.

перемены», тем не менее манифест требовал, чтобы все жители, которые скрываются в разных местах, вернулись на прежнее место жительства, а с теми, кто не выполнит этого требования, «поступлено будет как с открытыми неприятелями во всей строгости»[27]. В связи с этим, не лишен смысла вопрос о том, почему жители скрывались от наступавших «освободителей» и почему русский генерал опасался, что будут такие, которые не захотят вернуться к прежним местам проживания.

С особым Указом от имени императрицы Эльмпт обратился и к молдавскому Дивану. В нем объявлялось, что «княжество Молдавское под державу ея императорского величества покорено и первейшие духовные и светские чины, торжественную в верности и подданстве присягу учинили». Исходя из этого, Указ предписывал, что Диван в дальнейшем остается «в той самой силе, правах и преимуществах», какие имел и до этого, однако «все дела на решение … подносить имеет оставляемому здесь при войске главному командиру[28], доколь ея императорское величество благоволит кого избрать и всемилостивейше достоинством господарским наградить». Таким образом, молдавские бояре и духовенство, точно так же, как и при турецко-фанариотском режиме, не получили права самим избирать господаря[29].

[27] *Ibidem*, с. 272-274 (текст манифеста).

[28] Исходя из этого, утверждение *Л*.Е.Семёновой в первом разделе сборника документов *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, изданного в 1996 году, о том, что «решения (русской-И.Е.) администрации принимались только с согласия диванов княжеств» (с. 20), явно искажает реальность.

[29] Относительно судьбы молдавского господаря, 13 декабря 1769 года Екатерина П сообщала Вольтеру: «достоверно известно, что в числе пленных находится молдавский князь Маврокордато … три дни спустя … привели наши лёгкие войска в Яссы … из Валахской столицы, Бухареста, господарева брата и сына его. Все сии господа перепроводят масляницу (традиционный праздник славянских народов, отмечаемый в течение от трёх дней до недели перед Великим постом-И.Е.) не в Венеции, а в Петербурге» (*Переписка Российской императрицы Екатерины Вторая с г. Волтером с 1763 по 1778 год*, часть I, Санкт Петербург, при императорской Академии наук, 1802, с. 80). С большим сарказмом, 2 февраля 1770 года Вольтер отвечал Екатерине: «Ваше Величество

Упомянутым Указом Дивану предписывалось разослать от имени российской императрицы приказ по всему княжеству, чтобы собрать население в церквях и «учинять присягу» в «верности и в подданстве ея императорского величества». Тексты присяг, в подлинниках, «освидетельствовать в их верности» в Диване и передать главнокомандующему русских войск[30].

Ничего не упоминая обо всех этих приказах русского командования, Л.Е. Семенова, автор первого раздела *Статус Молдавского княжества в системе Османской империи (XV-XVIII вв.)* сборника документов *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, изданного в 1996 году, писала: «В ходе войны с Турцией (1768-1774) русская армия под командованием П.А. Румянцева в результате успешных операции в конце сентября 1769 г. вступила в Яссы. Жители молдавской столицы с энтузиазмом встречали русские войска. Бояре и духовенство во главе с митрополитом Гавриилом[31] устроили в соборной церкви торжественный молебен и стали приводить народ к присяге императрице»[32].

изволите меня уведомлять, что Валахский и Молдавский господари препроводят масляницу не в Венеции; но не можно ли заставить их отужинать с каким-нибудь Тунисским или Алжирским адмиралом? Сказывают, что сии африканские животныя приближились было близко к некоторым караблям вашим, но что пушки ваши привели их в превеликий безпорядок» *(Ibidem*, с. 87). Позднее, 1 марта 1770 года Екатерина П сообщала Вольтеру, что молдавский господарь умер, «а Валахский, здесь находящийся, человек очень умный» (*Ibidem*, с. 92). Высказывая сожаление по поводу смерти молдавского господаря, в письме от 10 апреля 1770 года Вольтер советовал Екатерине: «что касается до Валахского господаря, поелику он умен, то пусть он останется при дворе Вашем»,- и тут же высказывал сожаление: «Повергаюсь к ногам В.И.В. равно как и господарь Валахский, а при том завидую судьбине его» (*Ibidem*, с. 87)

[30] Текст Указа. В: А.Н.Петров. *Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год.* Том I, с.274-275.

[31] Митрополит Молдавии Гавриил Каллимаки (1761-1786)

[32] В.Н. Виноградов, М.Д. Ерещенко, Л.Е. Семенова, Т.А. Покивайлова. *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Издательство ИНДРИК, Москва, 1996*, с. 19 (в дальнейшем *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*)

Известный русский военный историк А.Н. Петров (1837-1900), сотрудник военно-исторического и топографического архива Главного управления генерального штаба, прекрасный знаток архивных источников, излагал эти события следующим образом. 26 сентября 1769 года генерал-поручик Эльмпт вступил в Яссы. Его встретили «знатнейшие бояре». Затем Эльмпт отправился в церковь, где его встретил митрополит и все духовенство, «отслужен был молебен за здравие императрицы и ея наследника, а также всего войска». «За тем,- продолжает А.Н. Петров,- обещая именем ея величества покровительство и защиту княжеству, генерал-поручик Эльмпт потребовал торжественной присяги на верность императрице»[33].

Следовательно, ни знатным боярам, ни митрополиту и духовенству как-то не приходило в голову добровольно обратиться к Эльмпту с просьбой о принятии присяги на верность императрице. Эта просьба, как совершенно ясно указывает А.Н. Петров, явилась следствием требования генерал-поручика российской армии Эльмпта. Далее, продолжает тот же автор, «мгновенно все присутствовавшие, подняв руки вверх, произнесли вслух слова присяги», а затем, после того как митрополит целовал крест, все присутствующие делали то же самое[34].

18 октября 1769 года Екатерина П уже знала о покорении Молдавии и сообщала об этом Вольтеру: «сей торжествующий турецкий император лишился всей Молдавии! Яссы взяли …»[35]. О сути российской политики прекрасно свидетельствует Манифест от 31 октября 1769 года, адресованный жителям Молдавии, в котором довольно ясно утверждалось о «присоединении сего княжества высочайшей державе императрицы всероссийской … »[36]. Не случайно в письме к генералу А.И. Бибикову (1729-1774)

[33] А.Н. Петров. *Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год*. Том I, с. 271-272.

[34] *Ibidem*, с. 272.

[35] *Переписка Российской императрицы Екатерины Вторая с г. Волтером с 1763 по 1778 год*, часть I, Санкт Петербург, при императорской Академии наук, 1802, с. 73.

[36] А.Н. Петров. *Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год.* Том I, с. 279. Автор не указывает, кто подписал данный

Екатерина П писала: «Новая молдавская княгиня Вам кланяется»[37]. Она была довольна действиями русских войск, в результате которых «вся Молдавия учинила нам присягу, и скота всем досыта»[38].

Современная российская историография представляет данную проблему совсем наоборот. Так, в первом разделе сборника документов *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, изданного в 1996 году, его автор Л.Е.Семёнова писала: «Несмотря на заверения о защите и покровительстве в ответ на поступавшие из Молдавии и Валахии просьбы, российское правительство занимало осторожную позицию в отношении княжеств, в то время как западная дипломатия и пресса распространяли слухи о стремлении России к их присоединению»[39]. Как бы сильно и хотелось, но упомянутый выше Манифест от 31 декабря 1769 года, отнюдь нельзя отнести к происками западной дипломатии и прессы.

Авторы-составители упомянутого сборника, ссылаясь на труды А.А. Кочубинского[40], П.Г. Дмитриева[41] и И.А. Котенко[42], писали, что «периоды русско-турецких войн были отмечены подъемом национально-освободительного и социального движения в княжествах, особенно в Молдавии. Так, во время войны 1768-1774 гг., действия волонтерских отрядов в Сорокском

Манифест. Можно предположить что это был главнокомандующий русской армии П.А.Румянцев. Манифест появился в ответ на другой Манифест, также без подписи, который призывал жителей Молдавии «обратиться в подданство турецкого султана» (*Ibidem*, с. 278).

[37] А. Г Брикнер. *История Екатерины Второй. Часть третья (Внешняя политика).* Издательство: Тип. А.С. Суворина, СПб.,1885, с. 324

[38] *Ibidem*, с. 324

[39] *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, Издательство ИНДРИК, Москва, 1996, с. 21.

[40] А. Кочубинский. ***Граф*** *Андрей Иванович* ***Остерман*** *и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735-1739).* Одесса, 1899.

[41] П.Г.Дмитриев. *Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVIII – начале XIX в.* В: *Известия МФ АН СССР*, № 2, 1959, с.47-50.

[42] И.А.Котенко. *Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг.* В: *Ученые записки Тираспольского педагогического института*. Выпуск 3. Кишинев, 1957, с. 23-42.

и Оргеевско-Лапушнянском уездах переросли в открытое крестьянское восстание против налогового гнета и притеснений со стороны бояр и местных властей». «Русско-турецкие войны,- продолжают они,- объективно стимулировали освободительные настроения княжеств, повышали его социальную активность»[43].

Что же на самом деле стимулировало освободительные настроения княжеств, повышали его социальную активность? Ответ на данный вопрос дает упомянутый выше русский историк А.Н. Петров, который уточнял, что «все войска наши в Молдавии поступили на продовольствие княжества»[44]. Он также указывал, что российской стороной «были приняты меры для обезпечения на будущее время продовольственной части армии и снабжения молдавского отряда провиянтом, в особенности же фуражом, которых в опустошенный Молдавии ни где нельзя было достать»[45]. Таким образом, перед нами весьма «оригинальные» методы, которые «стимулировали освободительные настроения княжеств, повышали его социальную активность».

Как известно, 10 декабря 1769 года высшее молдавское духовенство и бояре обратились с письмом к Екатерине II, в котором просили взять их под её покровительство[46]. Данное обращение интерпретировалось историками как инициатива молдавского духовенства и бояр. Однако материалы заседания

---

[43] *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*. Издательство ИНДРИК, Москва, 1996, с. 17.

[44] А.Н.*Петров. Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год.* Том I, с. 275. В письме Вольтеру от 31 марта 1770 Екатерина П сообщала ему: «Одной Молдавии предписано было собрать для безчисленной той армии миллион мер хлеба; господарь ответствовал, что Молдавия и в самые плодородные годы не собирает онаго столько, и что ему не возможно сего приказания изпольнить» (*Переписка Российской императрицы Екатерины Вторая с г. Волтером с 1763 по 1778 год,* часть I. Санкт Петербург, при императорской Академии наук, 1802, с. 100).

[45] А.Н. Петров. *Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769-1774 год*. Том I, с. 278.

[46] Текст письма: *Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. 1769-1812. Кишинев,* Штиинца, 1984, с. 24-27.

Государственного Совета от 15 февраля 1770 года не подтверждают этого. Протокол заседания довольно четко фиксировал, что на данном заседании прочтено, среди других писем, «также письмо молдавского митрополита и епископов, в ответ на посланное к ним от Ея Императорского Величества»[47]. Письмо императрицы неизвестно, но, скорее всего, она требовала, чтобы политическая элита страны высказывалась достаточно ясно по поводу вступления русских войск в Молдавию. Но если речь идет о письме Екатерины П от 16 декабря 1769 года, то её позиция более чем ясна. Императрица обращалась к «преосвещенным митрополиту и епископам нашего (т.е. Екатерины-И.Е.) Молдавского княжества»[48], давая им ясно понять, что Молдавию она считает уже своею и, понятно, не потерпит никаких возражении с их стороны.

Исходя из вышеизложенного, к искренности просьб молдавской политической элиты следует относиться с большой осторожностью.

Другой вопрос который обсуждался на заседании Государственного Совета от 11 марта 1770 года, это был вопрос о внутреннем управлении Молдавией и частью Валахии, занятыми русскими войсками. Екатерина II негодовала по поводу того, что хотя упомянутые страны «уже несколько месяцев в наших руках, но о их правлении, сборах и прочее еще не положено» и все «дела отправляют по турецкой аукторизации, а не по нашей». Императрица понимает, что «сие не противно порядку», однако она считает, что такое положение вещей «по крайней мере не сходно с благопристойностю». Поэтому она считает, что «так надлежит разсуждать и самым делом положить, как бы там от сего времени, чего я от Совета требую»[49].

На том же заседании было представлено и другое «соизволение» Екатерины II. Государственный Совет должен был обратиться к главнокомандующему русской армии, «дабы

[47] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 41.

[48] *Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига. 1769-1812*, Кишинев, Штиинца, 1984, с. 32-33.

[49] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 42.

Молдавцы и Волохи[50] разоряемы не были; чтобы чинено им, как подданным здешним, правосудие и вспоможение». Это указание было дано спустя 6 месяцев после оккупации Молдавии российскими войсками! Одновременно предлагалось распределить по провинциям русских генералов, которые осуществляли бы руководство Молдавией и Валахией. На этом последнем решили ожидать депутатов из этих провинций, выслушать их и лишь потом принимать решение[51]. Однако П.А. Румянцев не стал дожидаться дальнейших указаний Петербургского двора; на этом же заседании было зачитано его сообщение «о вступлении Волошского княжества в здешнее подданство и учинении в верности присяги»[52].

Между тем делегация представителей бояр и духовенства продолжала оставаться в российской столице. На заседании Государственного Совета от 12 апреля 1770 года были зачитаны «привезенныя молдавскими и волошскими депутатами грамоты»[53], однако никаких решений принято не было. Только на заседании от 24 июня «Совет разсуждал о находящихся здесь молдавских и волошских депутатов, чтобы их отсюда не отпускать и сделать о них какое либо определение, но чтобы между тем дать им заимообразно на их содержание 5 000 рублев»[54]. Что писала по

[50] В материалах Государственного Совета - волохи, это жители Мунтении, а их страна названа Волохия, Волошское княжество. Детали о терминах, использованных для обозначения Молдавии и ее жителей в российских источниках см.: Ion Eremia. *Ţara Moldovei şi moldovenii reflectate în terminologia surselor documentare ruseşti – observaţii preliminare,* în *The Historian's Atelier: Sourses, Methoda, Intrepretations, workshop*: Oradea, ed. a 5-a, 26-28 mai 2011/ coordinators: Sorin Şipoş, Gabriel Moisa, Mircea Brie …, forevord: Acad. Ioan-Aurel Pop, Editura Academia Română, Centrul de Studii Transilvane, Cluj-Napoca, 2012, p. 29-58.

[51] *Архив Государственного Совета. Том первый,* с. 42.

[52] *Ibidem*, с. 42.

[53] *Ibidem*, с. 47; 23 февраля 1771 года Н.И. Панин сообщал П.А. Румянцеву что «оставшиеся здесь Волошскаго княжества депутат митрополит Григорий и боярин Кантакузен отпущены в свое отечество». Митрополит получил грамоту от императрицы: «Оная, кажется, должна весьма послужить к его ободрению» (*Русский архив*, 1882, ч. 3-4, с. 7).

[54] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 50.

этому вопросу Л.Е. Семёнова, автор первого раздела сборника документов *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, изданного в 1996 году?: «Такое решение, надо полагать, отвечало и намерениям самих депутатов, стремившихся оказать влияние на позицию России в вопросе о судьбе княжеств и надеявшихся на их сохранение под российским покровительством»[55].

К началу мая 1770 года относятся первые сведения о желании Порты начать мирные переговоры с Россией. В связи с этим, 10 мая Государственный Совет решил отправить П.А. Румянцеву сообщение, в котором его извещали «об отправлении к армии волошского господаря Гики[56] и о употреблении его в случае негоциации о мире»[57]. Тем не менее, Совет постановил не начинать переговоры о мире, пока Порта не освободит российского дипломата Обрескова вместе с его свитой. Его арестом Порта нанесла оскорбление императорскому двору[58]. Лишь на заседании от 12 августа Государственный Совет решил начать переговоры о мире с турками, но, тем не менее, поставил задачу взять город Бендеры[59].

На заседании Государственного Совета от 16 сентября 1770 года были представлены предложения Н.И. Панина о мире с Османской империей. Среди них некоторые условия касались непосредственно Румынских княжества. Так, проект договора предусматривал амнистию всем, лицам кто принимал участие в боевых действиях против османов. Предлагалось также удерживать Молдавию и Валахию взамен убытков, понесенных Россией в войне, которые исчислялись в суммой в 25 млн. рублей. Это считалось вполне справедливым требованием со стороны России. Однако исходя из того, что императрица заявила, что она не желает приобретать новые территории, решалось «оставить

[55] *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*, Издательство ИНДРИК, Москва, 1996, с. 21.

[56] Григоре III Гика, господарь Валахии, сдался в плен русским и был отправлен в Россию.

[57] *Архив Государственного Совета.* Том первый, с. 48.

[58] *Ibidem*, с. 48.

[59] *Ibidem*, с. 52-54. 22 сентября 1770 года Н.И. Панин информировал Государственный Совет о взятии города Бендеры (*Ibidem*, с. 62)

Молдавию и Волохию за Россией столько лет, пока она не получит эти 25 млн. рублей». Но Россия могла отказаться и от этих денег, если Молдавия и Валахия «оставлены будут в независимости и Дунай станет границей» Османской империи[60].

Таким образом, идея о независимости Молдавии и Валахии появилась лишь на заседании Государственного Совета от 16 сентября 1770 года в связи с обсуждением проекта мирного договора с Портой.

О возможности получения денег от османов Н.И. Панин заявлял и на заседании Государственного Совета от 14 марта 1771 года[61]. Однако на заседании от 17 марта 1771 года императрица категорично высказалась, «что лучше желает она избавить христианския княжества Молдавию и Волохию от ига, нежели отдав их, получить от турков удовлетворение за понесённые в сей войне убытки деньгами; а потом положено непременно стараться одержать при мире признание независимости отложившися от Порты татар и равномерно ж Молдавии и Волохии»[62].

Однако требования России относительно независимости Молдавии и Валахии встретили сильный отпор со стороны Австрийского двора[63]. На заседании Государственного Совета от 9 мая 1771 года былапредставлена депеша из Вены, которая отражала мнение канцлера Кауница[64], что приобретение Молдавией, Валахией и Крымом независимости «находит он невозможным, потому что султан на сие не согласится»[65]. По поводу представленного мнения Кауница, Н.И. Панин обратил внимание на то, что австрийцы, затрудняя освобождение Молдавии, Валахии и Крыма, высказывались только в отношении

[60] *Ibidem*, с. 60-61. Очень странно, что Л.Е. Семёнова, автор первого раздела *Статус Молдавского княжества в системе Османской империи (XV-XVIII вв.)* сборника документов *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии,* изданного в 1996 году, ничего не упоминает об этом.

[61] *Ibidem*, с. 371

[62] *Ibidem*, с. 372.

[63] Официальное название государства до 1806 года - Священная Римская империя

[64] Wenzel Anton Graf Kaunitz (1711-1794)

[65] *Архив Государственного Совета.* Том первый, с. 80.

татар, почему Порта не согласится, и «совсем о первых (Молдавии и Валахии-И.Е.) умолчали»[66]. В дальнейшем Н.И. Панин высказывался в том плане, что Порта никогда не сможет вернуть себе «отнятыя нами у них в сию войну земли», а если другие христианские страны окажут османам помощь в этом, то тогда «сами христиане будут виновниками повержения опять в рабство других христиан». В этом случае, говорил он, когда Россия не может выполнить «такого человеколюбого желания», она предпочитает отдать эти территории Венскому двору, «с тем чтобы он, ежели не захочет спасти угнетенных христиан от порабощения, отдал их туркам сам и тем остался в ответе перед Богом, светом и потомством». Это мнение «было апробировано» членами Государственного Совета[67].

Отрицательной была и позиция Англии. По этому поводу А.Г. Брикнер писал: «Но когда английский посол при русском дворе, лорд Каскарт, сообщил своему министерству о существовании в Петербурге проекта образования из Крыма, Молдавии и Валахии независимых государств для ограждения от Турции, английский министр Рочфорд отвечал ему, что такой план не вполне соответствует умеренности Петербургского двора и заявленному им нежеланию расширять русския границы; легко усмотреть, что такие независимые государства в сущности будут в полной зависимости от России»[68].

Однако Н.И. Панин не собирался так легко отдавать Молдавию и Валахию Австрийскому дому. На очередном заседании Государственного Совета от 16 мая 1771 года он представил новое мнение относительно начала переговорного процесса с Портой. Он считал, что «о будущем правлении

[66] *Ibidem*, с. 81.

[67] *Ibidem*, с. 81. По мнению А.Г.Брикнера, «в Австрии не столько желали препятствовать присоединению Крыма к России, сколько считали опасною всякую перемену в Молдавии и Валахии», и что «в Вене даже возникла мысль присоединиться к Порте для борьбы против России» (А.Г. Брикнер. *История Екатерины Второй. Часть третья (Внешняя политика)*. Издательство: Тип. А.С. Суворина, СПб.,1885, с. 349)

[68] А.Г. Брикнер. *История Екатерины Второй. Часть третья (Внешняя политика)*. Издательство: Тип. А.С. Суворина, СПб.,1885, с. 330.

Молдавии и Волоскаго княжеств можно условиться впредь», однако на будущем мирном конгрессе за основание соглашений исходить из принципа «кто чем владеет» (***Uti possidetis***). Более того, Н.И. Панин предлагал отобрать у Польши в пользу Австрии, Пруссии и России некоторые территории и «отдать в замену отбираемых у нея земель княжества Молдавское и Волоское». Заинтересовав таким образом Австрию и Пруссию, Панин полагал, что этим легче будет подписать с османами мир, а также «успокоить польские замешательства». Члены Совета согласились с его мнением[69].

Манёвры российских политиков свидетельствуют лишь об одном: их совершенно не интересовала судьба Молдавии и Валахии, которые рассматривались царской дипломатией лишь в качестве разменной монеты для решения геополитических задач, которые стояли перед Российской империей, а высокомерные заявления об освобождении от османского гнёта служили лишь прикрытием для реальных интересов царизма.

На заседании Государственного Совета от 4 июля 1771 года слушались и реляции П.А. Румянцева от 20 и 21 июня «о учиненном в Волохии и Молдавии вредных разглашениях»[70]. Данный протокол не отражает сути этих «вредных разглашений» для России, но скорее всего они касались судьбы Молдавии и Валахии в связи с распространением слухов о предстоящих мирных переговорах России с Портой.

Мнение Н.И. Панина, одобренное Государственным Советом 9 мая 1771 года, было сообщено прусскому королю Фридриху II (1772-1786), который, в свою очередь, информировал Венский двор. Ответ Венского двора, полученный через прусского короля, был представлен Н.И. Паниным Государственному Совету 22 августа 1771 года, суть которого сводилась к тому, что Австрия ни в коем случае не согласится на разрушение Османской империи, а наоборот, будет «сохранять её и равновесие на Востоке, сколько может»[71]. На заседании Совета от 15 сентября

[69] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 83-84.
[70] *Ibidem*, с. 92.
[71] *Ibidem*, с. 104.

вновь зачитывались депеши прусского короля от 2 и 3 сентября, где излагалось мнение Венского двора: Австрия никогда не согласится на раздел Османской империи, поэтому России следует отказаться и от требования о предоставлении независимости Молдавии и Валахии[72]. Аналогичные мнения поступали через Вену и от османского правительства, которые были представлены членам Государственного Совета 24 и 31 октября 1771 года: Порта никогда не согласится на отделение Молдавии, взамен готова платить от 15 до 20 тысяч мешков[73].

В результате Россия была вынуждена частично отказаться от своих планов. 21 октября 1771 года Н.И. Панин сообщал Г.Г. Орлову о том, что он будет ходатайствовать перед императрицей «оставлять требование наше о княжествах Молдавском и Волошском», поскольку такое требование сильно затрудняет мир с Османской империей[74], а 12 ноября того же года Н.И. Панин информировал Г.Г. Орлова, что императрица согласилась «отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи, с тем однако, чтоб сии два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в Турецкое подданство»[75].

Итак, задолго до переговоров в Фокшань (июль-август 1772) делегатам из Молдавии и Валахии удалось убедить российскую императрицу в том что их страны вступили под турецкое покровительство на определенных условиях, которые, очевидно, и были изложены в Петербурге.

Между тем царица не отступила от требования Молдавии и Валахии просто так, а с условием, чтобы «военные убытки удовлетворены были денежною суммою»[76]. Более того, Н.И. Панин сообщал, что «при отступлении нашего требования, по пункту Молдавии и Валахии, Ея Императорское Величество не изволит полагать Бендеры в сие возвращение, яко город отнюдь к

[72] *Ibidem*, с. 110.
[73] *Ibidem*, с. 116, 118.
[74] *Русский архив*, 1880, кн. 3, с. 238.
[75] *Ibidem*, с. 240.
[76] *Ibidem*, с. 240.

тем двум княжествам, но к Бессарабии принадлежавший», а если и уступить его, то получить взамен Очаков или Кинбурн[77].

Политическая элита Молдавии отнюдь не разделяла мнения Екатерины II по этому вопросу и не видела в «Бессарабии» нечто чуждое, что не должно было принадлежать Молдавии. «Окрестные крепости издревле Молдавии принадлежащие … помянутые крепости сперва принадлежали до Молдавии, а отечество наше на правах самоуправления или независимости покровительству, а не тиранству, Оттоманской Порты самопроизвольно предалось. Но мало по-малу самоправительные наши привилегии она обессилела, а крепости себе присвоила»[78], писали они в письме от 30 января 1774 года, которое подписали митрополит Гавриил и еще 50 бояр и представителей духовенства. Более того, бояре и духовенство по поводу крепостей просили восстановления их «на прежнее состояние»[79], то есть возвращения их в состав Молдавии.

На заседании Государственного Совета от 22 ноября 1771 года Н.И. Панин представил упомянутый ответ Екатерины II, согласно которому она выражала готовность отказаться только от требования независимости Молдавии и Валахии. Что касается Крыма, императрица не хотела идти на какие-либо уступки. Екатерина П была готова отказаться и от Бендер, но только в том случае, если Россия получит Очаков и Кинбурн или хотя бы один Кинбурн[80].

Австрийский двор остался доволен решением Екатерины II отказаться от требования о предоставлении независимости Молдавии и Валахии и уже 1 февраля 1772 года членов Государственного Совета информировали, что императрица Мари́я Тере́зия приказала своему представителю в Константинополе совмещать усилия с прусским представителем, убедить Порту заключить перемирие с Россией и вступить в переписку с главнокомандующим русскими войсками Румянцевым[81]. В связи с позицией Вены, на упомянутом заседании Совета были высказаны

[77] *Ibidem*, с. 241.

[78] *Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии*. Издательство ИНДРИК, Москва, 1996, с. 72-73.

[79] *Ibidem*, с. 73.

[80] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 126-127.

[81] *Ibidem*, с. 145.

и другие мнения. К примеру, генерал-фельдцгейместер Г.Г. Орлов считал, что «при нынешней венскаго двора перемене, можно было одержать и независимость Молдавского и Волошскаго княжеств». Однако Н.И. Панин отмечал, что «не пристойно уже возобновлять прежнее о сей независимости требование». Дальнейшие высказывания Н.И. Панина представляют особый интерес: «Но что можно доставить им (Молдавии и Валахии-И.Е.) под гарантиею венскаго и берлинскаго дворов все дозволенные им сперва туркам и потом нарушенныя права и преимущества»[82].

Таким образом, к 1 февраля 1772 года Петербургский двор уже знал и был убежден в существовании прав и привилегий румынских стран, которые они получили от Порты в давние времена и которые османы время от времени нарушали. Не подлежит сомнению, что это убеждение – итог деятельности членов молдавской делегации находившейся в российской столице. Довольно интересна и идея Н.И. Панина о предоставлении Молдавии и Валахии вновь этих прав и привилегий, под гарантии Венского и Берлинского дворов.

На заседании от 12 марта 1772 года членам Государственного Совета представили депешу прусского представителя в Константинополе от 3 февраля, в которой сообщалось, что Порта обрадовалась тому, что Россия согласилась возвратить Молдавию и Валахию, но встревожена тем, что она добивается независимости для Крыма. Обсуждая вопрос о месте будущего мирного конгресса, относительно Бухареста было сказано, что «только часть оного определена быть может для конгресса, ибо объявляя его свободным, лишились бы мы правления оным и, следовательно, всею Волошскою землею»[83]. В результате дальнейшего обсуждения этого вопроса, 30 марта Россия соглашается, чтобы переговоры с Портой состоялись в городе Фокшань[84], а на заседании от 2 апреля проект соглашения с османами был утвержден Государственным Советом[85].

[82] *Ibidem*, с. 146.
[83] *Ibidem*, с. 154-155.
[84] *Ibidem*, с. 159-160.
[85] *Ibidem*, с. 161.

На заседании от 17 апреля 1772 года генерал-фельдцгейместер Г.Г. Орлов «предлагал, что если одержано будет возстановление помянутых княжеств (Молдавии и Валахии - И.Е.) в дозволенныя им при вступлении в турецкое подданство привилегии, то должно будет непременно разорить все крепости в Молдавии, о неимении коих в договоре о подданстве сего княжества именно выговорено было». Это утверждение российского политика подтверждает тот факт, что Петербургский двор, задолго до конгресса в Фокшань, имел в наличии текст восстановленного молдавскими боярами договора с Портой о вступлении под покровительство султана, иначе откуда он мог знать «о неимении коих (крепостей- И.Е.) в договоре о подданстве сего княжества именно выговорено было». Далее Г.Г. Орлов заявлял, что он может «если Е. И. В. угодно, все там крепости, исключая Бендерскую, для обмена на Очаков и Кинбурн, срыть … под предлогом принимаемого, на случай продолжения войны, намерения построить лучшия»[86].

19 мая 1772 года между Российской и Османской империями была подписана конвенция о перемирии[87], а с 27 июля по 28 августа происходили переговоры в Фокшань. 1 сентября на заседании Государственного Совета была представлена депеша от полномочных представителей России на переговорах, которые сообщали о фактическом срыве турками переговоров[88]. В такой ситуации предлагалось отправить депешу П.А. Румянцеву, «чтоб он постарался ныне же нанести неприятелю новый удар утверждением хотя неболшаго корпуса войск на супротивном берегу Дуная, в том месте, где он сам за удобнее и полезнее признает и что если б все сие не послужило к получению мира, а к тому же и принуждены мы были иметь войну с шведами, должно будет нам употребить будущею весною предложенное уже им, действительным тайным советником, крайнее средство, то есть опустошив Молдавию и Волохию и

[86] *Ibidem*, с. 165-166.

[87] *Ibidem*, с. 178.

[88] Панин обвинил Орлова в срыве переговоров (А.А. Голомбиевский. *Князь Григорий Григорьевич Орлов (1734-1783).* В: *Русский архив*, 1904, вып. 5-8, с. 404).

забрав всех тамошних жителей в свой границы, оставить несколько войск по сю сторону Днепра и обратить остальныя к Очакову и Крыму»[89]. Это, пожалуй, единственное предложение относительно Молдавии и Валахии, которое обсуждалось членами Государственного Совета за все время работы Фокшанского конгресса и в первый месяц после него.

На заседании от 20 декабря 1772 года, среди прочего, Государственному Совету была представлена и депеша П.А. Румянцева от 5 декабря 1772 года о том, чтобы Россия уступила Архипелаг, Бессарабию, Молдавию и Валахию, «если татарская вольность, кроме духовного повиновения султану совершенно признана»[90]. Позднее, на заседании от 28 февраля 1773 года членам Совета была зачитана депеша русского резидента в Истанбуле А.М. Обрескова (1718-1787) о том, что если Порта примет условия России, а среди них независимость Крыма на первом месте, тогда «возвращены ей будут, с некоторыми кондициями, все Архипелагские острова, Молдавия, Валахия и Бессарабия»[91].

Представляет интерес и реляция П.А. Румянцева от 18 января 1773 года, в которой он вновь сообщает «о безпокойстве молдавцев и волохов»[92].

На заседании Совета от 18 ноября 1773 года обсуждался вопрос о будущем территориальном расширении России и подчеркивалась необходимость приобрести «всю туркам принадлежащую между Днепра и Днестра землю с Очаковым». Полагалось, «что сколь скоро будем мы (Россия-И.Е.) иметь помянутую землю, то множество молдавцев и волохов выходить станут и скоро заселят всю оную, и что сия земля, будучи тогда преградою между турками и татарами, пресечет всякое между ними сообщение сухим путем»[93].

На заседании Государственного Совета от 24 июля 1774 года было представлено письмо П.А. Румянцева от 11 июля о подписанном днем раньше мирном договоре с Портой, «о

[89] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 197.
[90] *Ibidem*, с. 221.
[91] *Ibidem*, с. 235.
[92] *Ibidem*, с. 230.
[93] *Ibidem*, с. 266.

возвращении им завоеванных в Архипелаге островов, Молдавии и Волохии, с полезным для сих земель условием»[94].

2 октября 1774 года Н.И. Репнин сообщал Государственному Совету о намерении Венского двора «для обеспечения границ своих, присоединить часть Молдавии, начав с того места, где границы его с Польшею кончаются при Хотине, на Сочаву и до Боргопаса»[95]. Относительно данного требования члены Государственного Совета рассуждали следующим образом: «сие дело может причинить новую войну; что должно нам не мешаться в оное, равно как и тот двор не принял участие в нашем, а тем, и скорым того извещением, доказать Порте искренность нашего поведения, и желание сохранить возстановленную с нею дружбу; что сие извещение учинено быть имеет во избежание и с венским двором остуды самым скрытным образом; что в сем виде может генерал-фельдмаршал истребовать от визиря взаимной присылки к себе поверенного, и ему, как очевидному свидетелю венского поступка, изъяснить наши по тому мысли, или же внушать молдавскому дивану донесть о том Порте собою, и что неизлишно будет также и для сей причины оставление войск на некоторое время в Полской Украины»[96]. Через несколько дней, на заседании от 6 октября 1774 года, Совет заслушал и утвердил заготовленные к П.А. Румянцеву рескрипты «… о извещении Порты стороною, что австрийцы заняли и хотят присвоить часть Молдавии»[97].

Разумеется, что и до Порты доходила информация о действиях австрийских войск. На заседании Совета от 9 октября 1774 года были представлены депеши Репнина о полученном П.А. Румянцевым письме от силистрийского паши «по случаю вступления австрийских войск в Молдавию … и учиненном на то ответе»[98], однако данный протокол не сообщает ничего о сути этих писем.

На заседании от 4 декабря 1774 года министр иностранных дел России Н.И. Панин объявил, что «наведывался он

[94] *Ibidem*, с. 284.
[95] *Ibidem*, с. 290.
[96] *Ibidem*, с. 290-291.
[97] *Ibidem*, с. 291.
[98] *Ibidem*, с. 291.

партикулярно» относительно известий о вступлении австрийских войск в Молдавию и Валахию у венского министра, князя Лобковица, который, в свою очередь, получил информацию от канцлера Кауница. Суть депеши Кауница сводилась к следующему: «венский двор имеет древния, также и по праву получения во владение свое Покуции, притязания на многия там смежные места; что занял он их больше надлежащего в сем только виде, что чрез то удобнее можно от Порты получить требуемое, и что он, надеясь сие дело окончить по желанию негоциациею, не сообщил о том нам, как собственно до них касающемся». Исходя из этого члены Совета рассуждали следующим образом: «что надобно теперь ожидать по сему мнения короля прусскаго, который, также как и мы, не знал существа такого венскаго поступка и подозревал о согласии на то Порты, и что он теперь не похочет конечно оставить помянутый двор спокойно исполнить сии его намерения»[99]. Через месяц, на заседании от 5 января 1775 года членам Государственного Совета зачитали новый ответ Вены: австрийцы заняли «земли в Молдавии и Волохи частию по праву владения Покуциею, а частию по заключённой у него с нею в 1771 г. Конвенции и за неплатеже обещанных тою конвенциею денег»[100].

29 декабря 1774 года членам Государственного Совета была представлена реляция Румянцева от 8 декабря, в которой он изложил суть ответа, данного Порте по поводу занятия части Молдавии австрийскими войсками: Россия выполнила своё обязательство по договору с Османской империей и вернула Молдавию, так что теперь Порте самой необходимо «вступить в изъяснение с австрийцами по случаю занятия ими земель»[101].

---

[99] *Ibidem*, с. 297.

[100] *Ibidem*, с. 300.

[101] *Ibidem*, с. 299. Данное письмо Румянцева представляет особый интерес, поэтому следует привести его целиком: «Нам нужно выйти из Молдавии, и турки, вшедши здесь в положение безпосредственное с австрийцами, скорее между собою могут сцепится и иметь дело желательным образом. Сей способ я предвижу ближайшим и наудобнейшим, чтобы взаимно их стравить, нежели все другие заочныя внушения. В противном случае припишут нашей вине, что турок лишили способов защитить захваченную землю австрийцами. От подписания мирнаго трактата вся провинция

Россия же, согласно Кючюк-Кайнарджийскому договору с Портой от 10 июля 1774 года, должна была поступать иначе. 10-й пункт 16-ой статьи договора предусматривал следующее: «Соглащается также, чтоб по обстоятельствам сих княжеств министры российского императорского двора, при блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оным с сходственным и дружеским и почтительным державам уважением»[102].

Вышеприведенные данные свидетельствуют, что министры российского императорского двора говорили, однако, отнюдь не «в пользу сих двух княжеств». Более того, для давления на Порту Россия использовала захваченные территории в Молдавии. Так, в рескрипте Екатерины П от 8 января 1775 г., адресованном генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому, предписывалось следующее: «… заключили сей рескрипт решительным вам повелением, чтоб крепостей Бендерской и Хотинской отнюдь прежде не отдавать туркам, пока они не уступят по трактату Кинбурна с довольным округом и со всею степью к оному присвоенною …»[103]. В этом был уверен и Н.И. Панин. В письме генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому от 9 января 1775 г. он сообщал что, пока турки не отдадут Кинбурн, Порта «не получит обратно в свои руки Бендер и Хотин»[104].

Весной 1775 года последние части русской армии покинули Молдавию. 30 марта 1775 года членам Государственного Совета

Молдавия учинилась уже принадлежащею обладанию Порты. Так буду отвечать визирю, следовательно нет больше некому права, как одной Порте почитать занятие австрийцами собственно до нея касающимся. В письме визирь клонит свою речь, что нам якобы должно стоять по обязательству возвращения всего княжения Молдавии. Войска австрийские помещение свое в Молдавии от часу больше распространяют, а генерал их Барко обольщает всеми образы бояр предаться в их сторону» (*Русский архив*, 1879, ч. 9-12, с. 167)

[102] *Под стягом России. Сборник архивных документов*. Москва, Русская книга, 1992, с. 86.

[103] *Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том первый. 1775-1777*. СПб., 1885, с. 4.

[104] *Ibidem*, с. 7.

были зачитаны реляции П.А. Румянцева о сдаче городов Хотин и Бендер туркам и о переходе русских войск за Днестр[105].

Довольно своеобразной бвла политика России по отношению к Австрии, захватившей часть Молдавии. Н.И. Панин в письме к генерал-фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому от 9 января 1775 г. обвинял Австрию в «самовластном захвачении частей княжеств Молдавского и Волошского», основываясь на австро-турецкой секретной конвенции от 6 июля 1771 г., что даже показало «свои виды» на Хотин[106]. Однако Н.И. Панин не считал нужным вмешиваться в этот вопрос: «Ответ г. Петерсона (Х.И. Петерсон (? - 1789), русский полковник, с сентября 1774 года поверенный в делах в Константинополе) на внушение о гарантии нашей на княжества Молдавское и Волошское толь благоразумен и приличен обстоятельствам, что при оном и впредь везде оставаться должно в вящшее туркам убеждение, что мы не имеем привычки, как другие дворы, мешаться в посторонния дела там, где нет на то или точных объязательств или же побуждения от истинной дружбы, каковой Порта от нас при всей нашей склонности к одолжению ея отнюдь ожидать не может …»[107].

Позднее, 13 мая 1775 г. Румянцев-Задунайский выразил недовольство по поводу заявлений Х.И. Петерсона, который во время переговоров с Портой утверждал, что «в настоящем положении Турецкая империя не в состоянии противостоять австрийцам, единое и лучшее средство есть негоциация». Это шло вразрез с указаниями генерал-фельдмаршала Румянцева-Задунайского, который настаивал на том, что Х.И. Петерсон должен «скрыто напрягать к ободрению Порты не уступать суш земли австрийцам и сцепится с ними». Исходя из этого, Румянцев-Задунайский снова рекомендовал Петерсону, чтобы он скрытно, через посредников, побудил Порту «к возвращению земель, у них отъемлемых австрийцами»[108].

28 июля 1775 года князь Н.И. Репнин сообщал в Санкт-Петербург о «поданых ему молдавскими боярами представлениях

[105] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 304.

[106] *Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том первый. 1775-1777*. СПб., 1885, с. 5-7

[107] *Ibidem*, с.9.

[108] *Ibidem*, с. 30-31.

содержащих главнейшее нарекание на Порту в отдаче венскому двору земель и желание, чтоб не было паши в Хотине»[109].

Подводя итог вышеизложенному можно отметить основные этапы внешнеполитической деятельности Российской империи в Юго-Восточной Европе во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Первоначально Россия ставила перед собой цель добиться свободного судоходства по Черному морю и устойчивости границ с Польшей. Однако при вступлении российских войск в Молдавию, главной заботой российских генералов сбыло обязать население присягнуть на верность Екатерине П и принять русское подданство. Источники достаточно ясно свидетельствуют о том, что инициатива в этих вопросах исходила от представителей военных властей России, а не от представителей Молдавии, которые в условиях военной оккупации вынуждены были выполнять требования этих военных властей. На определенном этапе развития событий, а именно в связи с необходимостью подписания мирного договора с Портой, российские политики выдвинули идею «независимости» Молдавии и Валахии, от которой в дальнейшем, под давлением Австрии и Пруссии, отказались. Источники также свидетельствуют о том, что Петербургский двор не стремился к восстановлению территориальной целостности Молдавии, как того требовали молдавские бояре и духовенство. Несмотря на то, что по Кючюк-Кайнарджийскому миру Россия стала покровительницей румынских стран, она не выполнила своих обязательств и допустила захват Буковины австрийскими войсками и территориальное расчленение Молдавии. По упомянутому договору частично были восстановлены права и привилегии Молдавии и Валахии, которые были зафиксированы в договорах с Портой о вступлении под покровительство султана. По крайней мере один из восстановленных молдавскими боярами текст договора был доставлен ими в российскую столицу задолго до мирных переговоров с османами в Фокшань в августе 1772 г.

[109] *Архив Государственного Совета*. Том первый, с. 316.